



УДК 930.1

Философия истории как фундамент преодоления сконструированного мифа «конца истории» (О книге А. С. Маджарова «История России в теории цивилизаций»)

А. И. Бобков

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается значение монографии А. С. Маджарова с точки зрения комплексного подхода в философии истории. Анализируются основные методологические находки автора. Обозначается их гносеологическая и аксиологическая значимость в контексте осмысления истории цивилизаций. Доказывается необходимость диалога истории и философии как важнейшего инструмента для преодоления кризиса исторического и философского знания в современном российском социуме. Выявляются параметры критического подхода к современному обществу, стремящемуся к концу истории и философии. Подчеркивается сохранение лучших академических традиций, отчетливо просматриваемое в данной монографии.

Ключевые слова: история, философия истории, методология исторической науки, цивилизация, культура, история России, русская цивилизация.

Наше научное сообщество социально-гуманитарного направления приглашено на пир философии истории. Если оценивать время этого торжества, то многим покажется, что это пир во время чумы. С ними можно согласиться в обозначении уникальности события, но не в определении его смысла. Мысль в эпоху тотального прагматизма всегда есть безумие, а философия истории – безумие вдвойне. Поэтому, чтобы по достоинству оценить мысль историка или философа, необходимо понять его действия в эпоху тотального страха социума перед осмыслением истории.

Масса в такие эпохи ищет стереотипов, готовых формул, магических заклинаний, спасающих от суда истории, ее беспощадных загадок, требующих поистине титанического усилия мысли. «Дайте смысл истории, не уничтожающий мое могущество. Определите цель истории в привычных для меня рамках успеха. Наконец, убедите меня в том, что история и философия ничему не учат. Я же, в свою очередь, вновь успокоюсь в своем всемогуществе и духовной деградации» – будто говорит масса тем, кто осмелился мыслить в эпоху «конца истории и философии истории».

Но мыслители предлагают пир – действие, в котором отчетливо видна ограниченность прагматичного отношения к истории, бесперспективность изгнания философии и торжество философского романтизма. Разведенные узкой специа-

лизацией философия и история вновь соединяются, ибо их разъединение и приводит к торжеству массового утилитаризма, оценивающего все научные успехи только в рамках рыночной рентабельности. Приятно, что попытку такого воссоединения мы наблюдаем в книге Александра Станиславовича Маджарова. На его пир следует поспешить, ибо там мы найдем живым все то, что казалось давно списанным в архив как отжившее и не имеющее значения для науки. Там нам станет вновь очевидной истина, что для прочтения классиков необходимо к ним относиться как к современникам. Они и есть современники, потому что дают ответы на сегодняшние вопросы, утверждая свои сбывшиеся прогнозы.

Первое, что бросается в глаза при чтении книги А. С. Маджарова, – это его научное самобытие. Он самоактуален в силу того, что ставит и решает проблемы, не нужные ни власти, ни рынку, но необходимые университетскому сообществу и науке. Необходимость для университета постановки и решения проблем самобытности русской цивилизации следует усматривать в том, что в погоне за новыми стандартами образования мы забываем свою интеллектуальную свободу и уникальность. Неудобных русских классиков, утверждающих оригинальность и самодостаточность русской мысли, в университетском сообществе зачастую ставили только в раздел методологии. Ставили таким образом, чтобы они ничего не открывали впервые и не разрушали навязанных извне стереотипов. На это автор обращает внимание во введении, касаясь методологического раздела диссертаций по истории. Анализируя использование философии истории в исторических диссертациях, обозначая стереотипность мышления большого числа историков, А. С. Маджаров резюмирует: «Работы, как правило, эмпирические, построенные по хронологическому принципу. Автору обычно нечего сказать о своей реальной методологии исследования. Он вынужден рассуждать о методологии вообще и привлекает в этот раздел все, что можно прочитать об историческом методе, пишет о нем как об отвлеченном, внешнем по отношению к собственному исследованию наборе процедур» [4, с. 11–12]. В этом выводе отражены сразу две проблемы. Первая заключается в том, что многие исследователи гуманитарных и социальных проблем полагают, что игнорирование философии даст некую инновационную активность, докажет, что наука без философии вполне может обойтись, что философия – это несерьезно. Вторая проблема отражает скрытно тот факт, что научная совесть и социальная ответственность ученого на сегодняшний день подчинены научному вундеркинзму, как и все общество, вошедшее в тотальное мышление категориями денег и рыночной рентабельности. Философия своими вопросами мешает научному вундеркинзму, утверждая вновь и вновь его беспочвенность и вред. У нее и не может быть другого воззрения, ибо она постоянно критикует науку как она есть, приближая ее к тому, какой она должна быть. Чем победить бесплодный вундеркинзм, столь мощно расцветший в современном социально-гуманитарном познании? Перечитыванием классиков. Честным и последовательным разбором их текстов во имя двух идей – преемственности и остановки времени. Это для философии истории едва ли не самое важное, это ее задача, выделяющая ее фундаментальное значение в историческом анализе. История – это тексты, философия истории – это вычленение из этих текстов вечного смысла, позволяю-

щего отделить событие от искусственного события, подлинного творца истории от симулирующего ее развитие субъекта.

Выдающийся французский мыслитель Ролан Барт отмечал (простите за большую цитату А. Б.): «Перечитывание – это занятие, претящее торгашеским привычкам и идеологическим нравам нашего общества, которое рекомендует, прочитав ту или иную историю, немедленно ее “выбросить” и взяться за новую, купить себе другую книгу; право на перечитывание признается у нас лишь за некоторыми маргинальными категориями читателей (детьми, стариками и преподавателями); мы же предлагаем рассматривать перечитывание как исходный принцип, ибо только оно способно уберечь текст от повторения (люди, пренебрегающие перечитыванием, вынуждены из любого текста вычитывать одну и ту же историю), повысить степень его разнообразия и множественности: перечитывание выводит текст за рамки внутренней хронологии (“это произошло до или после того”), приобщая его к мифическому времени (где нет ни до, ни после); оно отвергает всякую попытку убедить нас, будто первое прочтение есть не что иное, как первичное прочтение – наивное, непосредственное, нуждающееся лишь в последующем “объяснении”, интеллектуализации (так, словно существует некое первоначало чтения, так, словно до нас никто не читал: не бывает первого прочтения, не бывает даже тогда, когда текст, пользуясь известными приемами задержки ожидания, рассчитанными не столько на убедительность, сколько на зрелищный эффект, пытается вызвать у нас такую иллюзию); перечитывание – это вовсе не потребление текста, это игра (игра как повторение несходных комбинаций)» [1, с. 42]. В контексте книги А. С. Маджарова четко видна эта важнейшая суть перечитывания классических текстов. Он дефрагментирует тексты философов истории для того, чтобы вновь обозначились субъекты исторического процесса, возвращающие историческим текстам их подлинное значение – значение обнаружения исторического субъекта как продолжающего свое бытие сегодня, действующего вопреки мифологеме своего отсутствия. Дефрагментированный автором текст Н. А. Бердяева вдруг прекращает его ставшее хрестоматийным утверждение о том, что для «русской истории характерна прерывность» [5, с. 45]. Сам Бердяев, перечитанный А. С. Маджаровым, говорит о том, что разрывы истории есть заблуждение невнимательного исторического исследователя. Более того, эта дефрагментация приводит к тому, что устанавливает как раз критерий фальсификации истории, критерий наличия историка-фальсификатора. Этот критерий заключается в боязни поставить во главу угла философию истории. Ведь она заставит искать преемственность там, где были разрывы, и разрывы – там, где власть обозначила преемственность. Власть нужна фальсифицированная история, приносящая успех историку-фальсификатору. Его забота состоит в сохранении оценки роли народа властью, отводящей ему место объекта, а не субъекта.

Несогласие ученого-гуманитария с таким определением роли народа говорит о многом и в первую очередь о великой ценности, придающей научной деятельности философский смысл, о научной совести. Актом обозначения философии истории выступает выявление наличия постоянного сопротивления большинства аккультурационной политике меньшинства (элиты, как сейчас модно

говорить). Показательно, что это сопротивление стало одной из важных тем, актуализированной А. С. Маджаровым. Иначе и быть не может, ведь предметом его анализа выступает, с одной стороны, один из основателей экзистенциализма (Н. А. Бердяев), а с другой стороны, один из ярких представителей философии жизни (О. Шпенглер). Ведь и то и другое направление в истории философии стремилось к тому, чтобы миф о беспомощности софийных субъектов был как можно быстрее развенчан. Всемогущество массы как вершины исторического процесса, порожденное тотальной рациональностью всего и вся, ведущее к господству целерационального (М. Вебер) действия, не устраивало обоих этих мыслителей. Они искали исторической уникальности, неповторимости в век, когда унификация и стандартизация начали свой беспощадный разбег. Ценности истории были заменены фальшивым единообразием, чувствовался некий конец истории. Однако оба эти мыслителя утверждали непоколебимость царства духа. У истории нет конца даже тогда, когда позитивизм заполнил все учебники по истории и социальной философии.

Этому результату господства позитивистской картины истории можно и должно противостоять идеографическим методом, констатируя уникальность как раскрытие смысла бытия человека и человечества в его социокультурном многообразии. Примечательно, что А. С. Маджаров акцентирует на этом внимание путем обозначения метода Н. А. Бердяева. Суть этого метода заключается в том, что, наследуя традиции русской мысли, «...Бердяев выходил на события, явления всей русской истории, в которых раскрыл “судьбу России” как свою судьбу» [4, с. 30]. Иначе этот метод можно выразить так: «К самосознанию исторического субъекта нельзя выйти тогда, когда свое самосознание отделено от исторической судьбы твоего народа. Такая дифференциация есть методологическое заблуждение, ведущее к лишению истории смысла». Конечно, о себе можно умолчать, но это умолчание и есть лишение смысла истории и философии. Единообразие тем и питается, что утверждает обреченность человечества на единую судьбу.

Философ свободы Н. А. Бердяев этому противостоял так же, как и философ жизни О. Шпенглер, во имя того, что человеческий разум не должен прибегать к тотальному насилию над социальной субъектностью ради цивилизации. В таком поле рассуждений автора вполне закономерно возникает вопрос о других мыслителях следующих в контексте мультикультурного понимания истории человечества. И А. С. Маджаров вводит в свой сравнительный анализ фигуру Н. Я. Данилевского как предтечи идей мультикультурализма. Это введение и необходимо, и эвристично с точки зрения методологии. Автор подмечает важный методологический момент философии истории Н. Я. Данилевского, а именно ее направленность на полемику с монистическим взглядом на историю, с одной стороны, и на предотвращение этноархаического конструирования самосознания русского народа – с другой. «Ученый и политик Данилевский беспокоился, что отсутствие объединяющей братские народы идеи, тенденция к сужению пространства России поведет страну, хотя может быть и не сразу, но непременно, к упадку, к превращению народов, в том числе народа России, в

“этнографический материал”, который послужит удобрием пришедшему на смену культурно-историческому типу», – отмечает автор [4, с. 77].

Недопущение этноархаики как способа уничтожения православной цивилизации Западом рождается при взгляде на историю с позиции отрицания некой общей идеи для человечества. Единство в многообразии картин мира выступает как необходимое условие правильной философии истории человечества. Единая идея и единая цель подрывает сам смысл культуры, но очень важна для цивилизации, устремившейся к мировому господству. Запад по-прежнему утверждает, что цивилизационное многообразие недопустимо, а мир-система при реализации идеи западной цивилизации принесет, наконец, торжество мира и согласия в род человеческий.

Примечательно также и то, что этим замечанием А. С. Маджаров обозначил еще одно важное свойство цивилизации Запада. Это свойство можно определить как миф преодоления этнического в самом Западе. «Люди западного мира никогда не смогут – разве что лицемерно – выступить в роли “дикарей” в глазах тех, кого они угнетали. Последние существовали для нас в то время лишь как объекты научного исследования или политического и экономического подавления. Мы же, будучи ответственными, с их точки зрения, за судьбу, казались им активной силой, с которой трудно установить отношения, основанные на взаимном уважении», – отмечал К. Леви-Строс [3, с. 35]. И это недопущение есть задача философии истории. Русская философия истории и О. Шпенглер попытались рассмотреть Запад как объект, и это у них получилось теоретически, но не практически. Практически бацилла монистического западнизма таится глубже. Поэтому и необходимым средством для его искоренения служит понимание того, что дикость Запада – в его цивилизованности. Не случайно книга О. Шпенглера называется «Закат Европы». Фаза цивилизационной дикости техногенного характера есть задача современной истории и философии, а еще больше исторической антропологии.

«Мышление деньгами порождает деньги – вот в чем тайна мировой экономики», – отмечал О. Шпенглер [6, с. 528]. Мышление деньгами – вот то, что делает западоида неуязвимым. Его ускользание от первобытности и культуросозидания таится в калькуляции и рационализации всего и вся. Он создал мировую экономику через деньги и во имя денег, выйдя из первобытного состояния дара. Примечательно, что это мировое кредо Запада в книге А. С. Маджарова читается между строк. Указывая вслед за Бердяевым на то, что «Россия должна стать для Европы внутренней, а не внешней, духовно преодолеть односторонность западной культуры, ее позитивизм, материализм, самодовольство», автор показывает, что было сделано русской мыслью и философией жизни [4, с. 52]. Эти способы осмысления истории позволили сделать западный образ жизни прикосновенным, снять с него ореол святости, хотя бы для некоторого меньшинства. Превращение западного стиля жизни в объект антропологического исследования не могло пройти незамеченным для его противников. Необходимо было что-то делать для возвращения статуса тотального субъекта западной цивилизации. И это было сделано путем русской революции, путем заражения России вирусом погони за западным типом цивилизации. Весь трагизм

положения России, читаемый между строк текстов Бердяева, заключается в том, что мы по-прежнему пребываем в состоянии «народа без элиты». И этот факт был замечен А. С. Маджаровым. Точнее, он со всей исторической осторожностью проговорился в том, что у России иной механизм отбора элиты. Применение западного механизма порождает апофеоз беспочвенности, а лучшие русские умы, подвергая Запад критическому исследованию, обнаруживают создателей России там, где власть и прозападные мыслители поставили знак «Мышление отсутствует». Ставил ли такие знаки Н. А. Бердяев? Безусловно. На это указывает А. С. Маджаров: «По оценке Бердяева, Россия является страшной рабской покорности, купцов, стяжателей, чиновников. Ее невозможно сдвинуть с места» [4, с. 51]. Она приемлет чужую элиту через отсутствие мужественного начала, столь ей необходимого. «Мужественное начало и в материальном мире приходило от французов, немцев, а в наше время и от японцев, из-за границы, но не из России. И в жизни духа – от Канта, Маркса, Конта и др.», – поясняет вслед за Бердяевым автор [4, с. 51]. Высказывание мощное, но однобокое. Ведь мужественное начало русской мысли мало изучено, возможно, совсем не изучено.

Нерациональность русской истории, ее соборная софийность указывают на то, что смысл истории – не в превращении народа в объект, его исчезновение путем замены его теоретической схемой, а, наоборот, в сохранении понимания его субъектности. Элита, это осознавшая, отвечает на совершенно иные вызовы. Парадокс России в том и состоит, что прозападная элита порождает ксенократическое насилие террористического характера, а народ выдвигает идею преодоления такого развития цивилизации. И добивается успехов. И вполне справедливо, что первой драмой такого сопротивления стал русский раскол. Его смысл А. С. Маджаров определяет так: «Историей овладел антихрист, и раскольники ушли из нее. Антихрист проник на вершины церкви и государства» [4, с. 42].

Причина такого состояния русского общества также обнажена А. С. Маджаровым. Она таится в убеждении части наших мыслителей в том, что русскую историю можно понимать без религии и без народа. Такая история необходима для признания «европейничанья» не болезнью, а оздоровлением русской жизни. Между тем Н. Я. Данилевский усматривал вред такой истории в том, что она слагает этническую идентичность, требующую своего скорейшего преодоления. «Всякому случалось, я думаю, слышать выражения, в которых с эпитетом “русский” соединялось понятие низшего, худшего: русская лошаденка, русская овца...», – пояснял Н. Я. Данилевский этот тип идентичности [2, с. 275]. Наиболее худшее сочетание, полученное путем ксенократического насилия над историей, – это «русская история», история отпавшего от прогрессивного Запада рабского государства и бездарного народа, воспроизводящего не те социальные практики, которые ведут к цели истории. «Все, чему придается это название русского, считается как бы годным лишь для простого народа, не стоящим внимания людей более богатых или образованных. Неужели такое понятие не должно вести к унижению народного духа, к подавлению чувства народного достоинства?.. А между тем это самоунижение, очевидно, коренится в том обстоятельстве, что все, выходящее (по образованию, богатству, общественному

положению) из рядов массы, сейчас же рядится в чужеземную обстановку», – писал Н. Я. Данилевский более ста лет назад [2, с. 275]. Ничего по отношению к русскому сегодня не изменилось. Но менять необходимо.

Каким образом производить это изменение? Путем связи этнического самосознания с религиозным опытом. Ведь автор сам определяет необходимость обозначения реконструкции этой связи в историческом мышлении как необходимость обозначения смысла истории сегодня. «Истинной верой считалась русская вера. Она, по понятиям раскольников, связана с истинным царством, русским царством», – обозначает смысл связи религиозного опыта автор [4, с. 42]. Такой философский принцип не может быть преодолен никогда в силу того, что высшей ценностью, делающей русскую цивилизацию конкурентоспособной, является идея «Святой Руси».

Проект Третьего Рима не провалился, ибо он носил не политический, а философский характер. Он дает вполне очевидное понимание того, что в основании любой цивилизации лежит религиозный опыт, возвращающий этническое самосознание до тех пор, пока не сконструирована этноархаическая картина мира для правящей элиты. Она начинает бороться с религией и тем самым либо губит цивилизацию, либо останавливает ее рост, обеспечивая паразитизм той цивилизации, которая является автором ментальной картины для других.

Такой сценарий остановки роста русской цивилизации мало кем рассматривается. Однако он может быть рассмотрен, если обратиться еще к одному мыслителю – А. Тойнби. Поэтому вполне логично, что А. С. Маджаров уделяет анализу «Постижения истории» пристальное внимание. Ведь такого оптимистического преодоления заката Европы не предложил никто. И вполне логичны замечания автора о том, что труд А. Тойнби – это полемика с философией истории О. Шпенглера. По нашему мнению, такое замечание методологически полезно в силу того, что в этой полемике и происходит столкновение теорий цивилизаций. Это гораздо важнее, ибо политическое столкновение цивилизаций – лишь итог теоретической полемики.

Почему А. Тойнби полемизирует с О. Шпенглером? Он не хочет видеть регрессивный сценарий индустриальной картины мира. Он подобно пророку предлагает изменить схему органического процесса. Если хотите, он предлагает новую схему отбора правящих и интеллектуальных элит для тех цивилизаций, которые станут этнографическим материалом для бессмертного Запада. Для него общество – не организм, а механизм, который нуждается в замене старых деталей на новые. Поэтому он противостоит природе с целью ее разрушения во имя продолжения своего существования. Точнее, воздействие на общество оказывают личности, увидевшие в обществе объект, нуждающийся в воздействии. «Общество в его доктрине – объект, «поле», – констатирует автор [4, с. 113]. В контексте столкновения цивилизаций желательно, чтобы это поле не сопротивлялось.

Отметим, что такой приговор по отношению к обществу весьма противоречив. Безусловно, для науки, прославляющей меньшинство, делающей его господство смыслом истории, такое положение общества обязательно, иначе как оправдать десубъективацию меньшинства?

Только очень важная деталь в схеме А. Тойнби упущена, и упущена сознательно. Это ответ на вопрос: кто отбирает элиту? Почему правящая элита изгоняет выявившую вызов интеллектуальную элиту? На эти вопросы А. Тойнби не дает ответа. Точнее, он дает дифференциацию цивилизаций. Для него все цивилизации возникают из одного корня, а в процессе роста приобретают различия. Автор замечает очень верную черту философии Тойнби, заключающуюся, в линейном одномерном понимании истории человечества. По всей видимости, эта одномерность механического характера вполне может быть и критерием отбора в интеллектуальную элиту. Если западная элита – это всегда первая и прогрессивная часть человечества, то все остальные элиты должны тянуться за ней, ибо они отстали. Поэтому отбор в элиту, скажем в России, осуществляется со времен Петра по подражанию европейскому стилю десубъективации собственного этноса. Только тот, кто смотрит на Россию как на объект для проникновения западной цивилизации, как на всеислие ее хабитуса, должен быть признан интеллектуалом номер один.

Теперь нам становится ясным, что откровение истории для А. Тойнби состоит в том, что Запад всегда – единственное субъектное волящее начало в истории человечества. Поэтому вполне объяснимо замечание А. С. Маджарова, касающееся того, что «...какой хабитус [стиль выражения] был присущ остальным цивилизациям, в частности “православной христианской цивилизации” в России, Тойнби ничего не сказал» [4, с. 114].

Далее следует уточнение о том, что о стиле выражения православной цивилизации А. Тойнби не сказал сознательно, ибо считал ее цивилизацией заблуждением. «Православное общество, по словам Тойнби, выбрало ложную дорогу, не оправдало ожиданий, – отмечает автор, – а католическое напротив, пошло правильным путем и достигло замечательных результатов» [4, с. 120]. Из этих слов, отмеченных автором, виден западоцентризм А. Тойнби, ибо правильный исторический путь на самом деле неведом никому, если не стоять на позициях этноцентризма. Только в этноцентризме путь моего этноса есть путь человеческий, а путь всех остальных – историческое заблуждение. Стоящая на таких позициях цивилизация Запада стремится все свои достижения сделать универсальными, поэтому стиль православной цивилизации есть для нее заблуждение.

Примечательно, что А. С. Маджаров вполне четко указывает на непонимание Тойнби цивилизации континентального типа. Чтобы ее понимать, необходимо сделать и ее волящим субъектом, а для заморской колонизации такое понимание смертельно, ибо опять смысл истории не один. Обладать единственным смыслом истории – значит обладать механизмом оценки смысла человеческой жизни и жизни человечества, и при помощи их оправдывать уничтожение многих этнических сообществ и целых цивилизаций. Если полагать своеобразие православной цивилизации не как заблуждение, то это уничтожение ничем оправдать нельзя, а значит механизмы смыслополагания западной цивилизации следует признать заблуждением. Бездушные западной цивилизации никто не отменял, его открыл не Тойнби, а Н. Я. Данилевский. О нем написана «Легенда о великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского, ему посвящены самые сильные строки «Войны и мира» Л. Н. Толстого. И вполне логично, что такой ориги-

нальный исследователь русской мысли и русской культуры, как А. С. Маджаров, не мог не разглядеть этот механицизм Запада. Поэтому он дает очень глубокую и наводящую на долгие размышления оценку одного из столпов цивилизационного подхода. «Тойнби, в отличие от Шпенглера, – резюмирует А. С. Маджаров, – создал громоздкую механическую конструкцию. Она порой “работала” в частностях, но не способна объяснить тайну зарождения и развития, жизни и смерти цивилизаций» [4, с. 139]. Следует заметить, что такие выводы делаются только подлинными знатоками своего дела. Опираясь на него, можно сказать о многом. Например, о том, что Запад никогда не знал этнической субъектности или религии. Это трудно уловить тому, кто привык классифицировать по западным стандартам, а они не работают, если взять историю цивилизаций не как историю цивилизации. Этот методологический прием, придающий новое звучание исторической науке, и является фактором, придающим этой книге фундаментальное значение.

В заключение скажем, что многое в работе А. С. Маджарова следует осмыслить еще не один раз. Его книгу можно и должно перечитывать, цитировать, даже критиковать, но ее нельзя не заметить. Это событие в гуманитарном познании России. Эта книга для тех, кто, во-первых, не смирился с концом истории, а во-вторых, тех, кто считает, что история принадлежит народу, а не элите, государству или богатому заказчику. Это образец подлинно высокой научной культуры и исследовательской совести. И пусть простит автор нас за то, что его эстетическое приложение мы не рассмотрели, оно требует отдельного разговора.

Список литературы

1. *Барт Р. S/Z* / Р. Барт ; пер. с фр., сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М. : РИК, 1994. – 303 с.
2. *Данилевский Н. Я. Россия и Европа* / Н. Я. Данилевский. – М. : Книга, 1991. – 574 с.
3. *Леви-Строс К. Первобытное мышление* / К. Леви-Строс; пер. с фр. А. Б. Островского. – М. : Республика, 1994. – 384 с.
4. *Маджаров А. С. История России в теории цивилизаций* / А. С. Маджаров. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 211 с.
5. *О России и русской философской культуре* / сост. М. А. Маслин. – М. : Наука, 1990. – 528 с.
6. *Шпенглер О. Закат Европы* : в 2 т. / О. Шпенглер ; пер. с нем. И. Маханькова. – М. : Айрис-пресс, 2003. Т. 2. – 624 с.

Philosophy of History Fundamental to Break the Myth of the «End of History»

A. I. Bobkov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article concerns the importance of a monograph by A. S. Madzharova in terms of the integrated approach in the philosophy of history. It analyzes the main methodological

findings of the author and represents their gnosiological and axiological significance in the context of understanding of the history of civilizations. It proves that an essential character of history and philosophy correlation in order to overcome the crisis of historical and philosophical knowledge in the modern Russian society. It reveals criterion of the critical approach to contemporary society, tending to the end of history and philosophy. It emphasizes the preservation of good academic traditions, expressed clearly in this monograph.

Keywords: history, philosophy of history, methodology of history, civilization, culture, history of Russia, Russian civilization.

Бобков Александр Иванович

*кандидат философских наук, доцент,
кафедра социальной философии и социологии
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8 (3952)24-37-48
e-mail: iab71@inbox.ru*

Bobkov Aleksander Ivanovich

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, the Department of Social
Philosophy and Social Sciences
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)24-37-48
e-mail: iab71@inbox.ru*